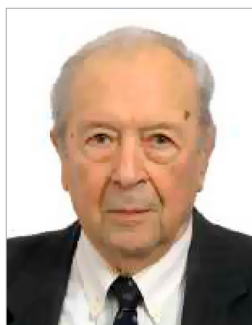

DUM SPIRO SPERO. ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ

Алексей В. СИМАШКЕВИЧ¹

DUM SPIRO SPERO. SCHOOL YEARS

90 лет тому назад, 27 июня 1929 года, в доме номер 59 на главной улице Кишинева, которая к тому времени сменила свое название с Александровской на Александру чел Бун, а в настоящее время носит имя Штефана чел Маре ши Сфынт, я родился мальчик. Это был я. Родители, Анна Петровна и Василий Елизарович Симашкевич, решили назвать меня Алексеем.

В.Е. Симашкевич, хотя все его предки и ближайшие родственники принадлежали к клерикальному сословию, нарушил семейную традицию и стал инженером-экономистом, окончив Киевский финансовый институт. В Бесса-

рабии занимал руководящие должности в области кооперации и преподавал одновременно финансовые дисциплины в Кишиневской коммерческой гимназии.

Мама после окончания Кишиневского епархиального училища несколько лет работала сельской учительницей, затем поступила на службу на ж-д станцию Кишинева.

Моим воспитанием занимались бабушка, Матрена Ивановна Бадика, и мама, бросившая свою службу на вокзале.

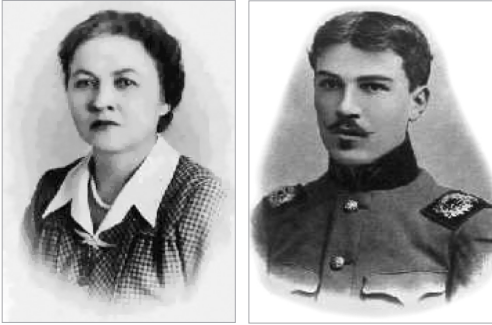
Школа, где я должен был учиться, находилась на улице Измайловской, ниже Александровской, не в самом аристократическом районе, где кроме классических румынского и русского языков надо было владеть и их уличными вариантами. Родители решили, что знание этих языковых вариантов не-

Квартира во дворе дома на Александровской, 59, рядом с банком «Федерала Кодру».

На веранде все наше семейство

¹ Алексей В. СИМАШКЕВИЧ, действительный член Академии наук Молдовы.

Родители

обязательно, и им удалось договориться в школе о свободном посещении со сдачей экзаменов в конце года. Мама, имея опыт работы в начальных школах, обеспечивала официальную школьную программу. А чтобы я не очень расслаблялся, сидя дома, решили учить меня дополнительно музыке, французскому и немецкому языкам и верховой езде, как будущего джентльмена. Для реализации этой программы было куплено пианино и начался подбор соответствующих педагогов. Лошадей для верховой езды, естественно, не приобрели.

Наибольший успех имел французский язык. Обучение облегчалось тем, что я в 4 года уже знал румынский и русский алфавиты, умел читать на этих языках. Читать меня никто не заставлял и специально не учил, просто меня заинтересовал сам процесс, как какие-то закорючки превращаются в слова и звуки. С латинским алфавитом тоже не было проблем, когда в 4 года я начал учить французский на дому с приятной барышней Ниной, которая очень умело сочетала игры с обучением. Занимались летом и зимой. Большую помощь в этом процессе оказали и мои кузины, Лиля и Инна Буржаковские, ученицы французской гимназии, построенной по проекту знаменитого архитектора Бернардацци на средства княгини Натальи Дадияни. Нина старалась говорить со своим уче-

ником только по-французски, довольно быстро научив меня читать. Через год я свободно говорил, а через два свободно читал известные детские повести графини Де Сегюр.

Мне не удавалось только грассировать, как настоящему парижанину, но потом я успокоился, когда узнал, что так говорят на юге Франции. Занятия с Ниной, подкрепленные изучением грамматики в гимназии, чтением французских детективов в оригинале, сделали свое дело. Когда через много лет мне пришлось работать в Алжире и читать лекции на французском, я с благодарностью вспоминал Нину и своих кузин.

В 6 лет родители решили, что я достаточно освоил французский и пора браться за немецкий. Для этого пригласили фрау неопределенного возраста, я даже забыл, как ее звали. Большого толку от этих занятий не получилось, занимался я с ней около года, но по-немецки не заговорил. Может быть, ее сугубо

Мама с учениками в Корнештах

школьная методика преподавания не подошла, может быть, родители забыли, что и в 6 лет я все-таки мужчина и обращаю внимание на возраст и внешность дам. Но кое-что ей удалось в меня вложить, и когда после войны в 8-м классе мы начали в качестве иностранного учить немецкий язык, я выглядел

С папой у банка

С бабушкой дома

на общем фоне не совсем беспомощным и мог произнести несколько фраз, кроме «Хенде хох». Преподавала тогда немецкий язык в кишиневской школе № 4 Сима Изильевна Авербух, жена преподавателя математики М.И. Резника, о котором еще будет идти речь ниже. Несмотря на сравнительно короткое время, отпущенное на изучение языка, Сима Изильевна сумела вложить в своих учеников основы немецкого, позволившие им в дальнейшем, в случае необходимости, разбираться с немцами.

Но вернемся к описываемым ранее событиям. Почти синхронно с немецким начались мучения с игрой на пианино. Опять пожилая учительница, ноты, ключи, бесконечные гаммы в мажоре и миноре, кроме того, задания на дом, выполнение которых строго проверялось родителями. А когда прозвучали «Жили у бабуси два веселых гуся», а потом «Тарантелла» из детского альбома Чайковского, был полный восторг. На несчастье бедного ученика, его мама вспомнила, что муж ее подруги, Всеволод Булычев, ученик и последователь Скрябина, бежавший из Москвы после революции, открыл в Кишиневе музыкальную школу. Он был помешан на итальянской средневековой музыке и кроме обычных уроков по воскресеньям проводил так называемые спевки, где дети пели эту самую музыку и куда меня и сунули по знакомству. Кроме того, он решил, что мне будет полезным сольфеджио, то есть пение по нотам без слов, при котором производится только звук «а». Если на спевках я мог просто открывать рот, то на уроках сольфеджио Булычев стоял рядом, и я должен был издавать какие-то звуки, желательно совпадающие с нотами. Довольно скоро Булычеву пришлось снова бежать от большевиков, и на том мои занятия музыкой прекратились.

Если уроки немецкого, и особенно музыки, мне не очень нравились, то на занятия по верховой езде я ходил с большим удовольствием. Мне даже пошили костюм с брюками галифе, купили кожаные гетры и хлыстик. Школу верховой езды организовали офицеры-кавалеристы, бежавшие из русской армии после революции. Кроме уроков для детей, они давали на стадионе представления по джигитовке, которые пользовались большой популярностью.

С Ниной учеба и игры

Любимые уроки

Перед началом занятий все выстраивались, у каждого ученика должна была быть своя лошадь, но так как лошадей было мало, то ездили по очереди. Обучались попарно, девочка и мальчик, прошло много времени и уже не помню, как звали юную леди, с которой мы совершали конные прогулки, увы, не в Булонском лесу, а на небольшой площадке в Кишиневе. К сожалению, ковбоя из меня не вышло, так как после нескольких уроков в Кишинев вошли советские войска, и русская кавалерия усакала на Запад.

Верховая езда была единственным видом дополнительного образования, который требовал специального обмундирования, на все остальные занятия форма одежды была произвольной. Но совершенно другие порядки были для тех, кто ежедневно посещал начальную школу. Форма – серые как для мальчиков, так и для девочек клетчатые халатики – была обязательной.

Ученики постарше могли ходить в форме стажера, похожей на советскую пионерскую, только с галстуком-триколором вместо красного. На фото слева Боря Брейтбурд, ставший после войны Борисом Яковлевичем Шумаковым, начальником пассажирской службы Кишиневской железной дороги. По старой

Мои соученики в форме стажеров

дружбе через него я мог достать любые билеты на все поезда – тоже дефицит в советское время.

В начальной школе лучшему ученику каждого класса на голову надевали «лавровый» венок, а первым трем ученикам выдавались медали с изображением короля, в то время Карола Второго. У меня собрался полный комплект «золотых» медалей, которые немного поржавели, но сохранились.

Из моих детских увлечений следует отметить филателию. Сбору почтовых марок способствовал мой интерес к иностранным языкам и географии. Я пытался заразить этим хобби и моих потомков, но безуспешно.

А потом закончилось счастливое детство Алексея Симашкевича. Его сверстники в СССР благодарили за него

Первый ученик

товарища Сталина, оставившего как раз в то время миллионы детей сиротами, в том числе мою будущую супругу. Я, доживший до преклонных лет и переживший много трудных периодов, безмерно благодарен своим родителям, хотя моя жизнь сложилась таким образом, что многие годы я прожил без них.

Наступило время выбирать гимназию для продолжения образования, которое было раздельным для девушек и юношей. У меня еще не было четкого выбора будущей профессии. Сразу исключались духовная семинария и коммерческая гимназия. Оставались три возможности – реальная гимназия «Алеку Руссо» с техническим уклоном и две классических, «Александру Дониц» на углу Садовой и Гоголя, где сейчас построено посольство Белоруссии, и «Богдан Хаджэу», на углу Киевской и Гоголя, где сейчас размещается Исторический музей. По советам знакомых, главным образом Малиновских, у кого в «Дониц» учился сын Тадеуш, мы тоже выбрали эту гимназию, хотя до нее надо было добираться на двух трамваях с пересадкой. Но учился я там недолго, две классические гимназии объединили. Из со-

учеников по «Доницу» почти никого не запомнил, кроме бельгийцев, близнецов Поля и Анри Ванэйзен, сыновей управляющего трамвайной компанией, а по «Хаджэу» – Костю Бобейко, с которым я много раз виделся после войны.

В гимназии ученики и ученицы ходили в форме. У мальчиков на левом рукаве был пришит ромб с личным номером ученика, у каждой гимназии был свой цвет ромба. Эта простая система позволяла немедленно узнать любого нарушителя порядка.

Но спокойно учиться в гимназии у меня не получилось. Произошли события, которые кардинально изменили мою жизнь, можно даже сказать, что началась новая. В феврале 1939 от пневмонии умер папа. (Только написав эти строчки, я осознал, что в этом году надо было отмечать его уход из жизни 80 лет тому назад, а только потом мое 90-летие.)

Папа понимал, что в служебной квартире нельзя жить вечно, и поэтому брался за любую дополнительную рабо-

Комплект медалей за начальную школу

ту, дающую ему добавочные деньги, необходимые для приобретения собственного жилья. В 1932 году ему удалось купить 3-комнатный старый дом по Александровской, 157, угол Госпитальной, напротив 1-й больницы, с участком и садом в 14 соток. В глубине этого участка он успел построить 2-комнатный до-

В гимназии рядом с Костей Бобейко

мик, в котором он собирался жить с мамой после выхода на пенсию. В это домовладение мы переехали с бабушкой после кончины папы. Мама снова устроилась работать на вокзал, ездила на работу на трамвае до конечной остановки, я в гимназию в основном бегал пешком.

Не успели привыкнуть к новым условиям жизни, как через полтора года новые события – советские войска входят в Бессарабию. Это для нас было неожиданностью, у нас были свои заботы, и за политическими событиями мы не следили. 28 июня 1940 года было дано три дня на размышления: оставаться или уезжать в Румынию. У нас были в Румынии в Пятра Нямц папина сестра Нюся и ее муж Штефан, две кузины моего возраста, Лена и Катя. Мы не могли к ним приехать без предупреждения и без вещей, а времени и условий для переговоров не было. К тому же с нами оказались ближайшие родственники, тетя Оля и дядя Володя Буржаковские, которых немедленно выгнали из квартиры в центре Кишинева и у которых в Румынии были

только две дочки, Лиля и Инна, студентки, без кола и двора. На семейном совете решили остаться дома. Узнали мы много новых слов. Национализация – когда власти отбирают твой собственный дом, секвестр – когда отбирают твои денежки из банка, уплотнение – когда без твоего согласия вселяют к тебе в квартиру незнакомых людей, и т. д. Со всеми этими прелестями мы соприкоснулись сразу. Нам объявили, что дом и деньги в банке за папину страховку уже не наши, а уплотнение оказалось добровольно-принудительным. Выселенных тетю с дядей мы пустили добровольно, а летчика с женой к нам вселили принудительно. К тому же и природа принесла свои сюрпризы. В конце октября в 5 часов утра и в начале ноября в 10 часов, когда я был в школе, произошли два сильных землетрясения, которые основательно повредили наш старый дом, откуда незамедлительно удрул уплотнивший нас сталинский сокол.

Школа № 13, которая возникла на базе гимназии «Хаждэу», тоже сильно пострадала, но учеба продолжалась.

Занятия в этом году начались 1 сентября по расписанию, с единственной разницей, что язык преподавания сменился с румынского на русский, причем без всяких протестов и демонстраций. Контингент 6-го класса средней школы, в который превратился 2-й класс гимназии, сильно изменился, так как в Кишиневе еще в 1940 году было уничтожено гендерное неравенство, обучение девочек и мальчиков стало совместным. Бельгийцы, конечно, уехали домой, оставив нам свои трамваи, летом с открытым вагоном, или, по-нашему, прицепкой, на которые так интересно и азартно было запрыгивать и спрыгивать на ходу. К моему удовольствию, в классе появились Костя Сибирский, Сильвиу Бережан и моя старая знакомая Вероника Фрунзетти. По какому критерию формировался класс, мне осталось непонятным, так как в нем оказались совершенно неподготовленные для усвоения предлагаемой программы дети. Очевидно, по классовому принципу.

В остальном занятия в 1940–1941 гг. в школе № 13 в Кишиневе ничего особенного не представляли. В обычной

жизни кишиневцы постепенно привыкали к советскому образу жизни тех лет, весной некоторые даже составляли планы на лето. Народ, занятый каждый своим делом, не обращал особого внимания на большое количество немецких офицеров в полной форме, свободно разгуливавших по городу. Среди большинства пассивных жителей нашлись более активные, которые установили, что эти германские офицеры занимаются отправкой в Германию немецких колонистов, живших с екатерининских времен на юге Бессарабии и в Одесской области. Самый тупой Штирлиц понял бы, что вывоз соотечественников связан с предстоящими здесь военными действиями, но, возможно, было указание от более высокопоставленного, не менее тупого Штирлица «не мешать», и все немцы были спокойно вывезены и хорошо устроены в Германии.

Был еще один сигнал о предстоящих событиях и с другой стороны, первая волна депортации непонятно в чем виновных людей, в том числе и папиного лучшего друга, директора Коммерческой палаты Кишинева Дмитрия Филипповича Поповича. Все мои последующие попытки узнать о его дальнейшей судьбе ни к чему не привели, знаю только одно, домой он не вернулся.

Мама относилась к людям, которые слепо верили всему, что делает и говорит власть, какого бы она цвета ни была. Поэтому она очень обрадовалась, когда ей предложили с 15 июня путевку для меня на море в Одессу. Я и так уже много писал об этом периоде моей жизни, поэтому о том, что произошло со мной в дальнейшем в 1941–1942 годах, напишу очень конспективно.

Самые главные даты: я не видел маму с 15 июня 1941 года, когда мы с ней попрощались на Кишиневском железно-

Траурные объявления и похоронная процессия

дорожном вокзале и мне было 12 лет, до октября 1955 года, когда я встретил ее на Одесском морском вокзале, к тому времени у меня уже была семья и двухлетний Андрюша. В период до ноября 1945 года мы вообще ничего не знали друг о друге. С 15 июня до августа 1941 года я был образцовым пионером, жил в коллективе пионерского лагеря, куда меня отправила мама, худо-бедно меня кормили. С августа 1941 г. стал беспризорником, поселился в брошенном Харьковском детском доме для слепых детей, питался найденными там продуктами и приоделся на предстоящие осень и зиму, считая, что не нарушаю Уголовный кодекс. Познакомился с солдатами подрывниками, минировавшими здание Госпрома и другие важные объекты, и ушел вместе с ними из Харькова 24 октября 1941 года, когда вермахт уже был на Холодной горе. Вместе с отступающими солдатами решил пробираться в Ростов, так как еще в Одессе нам сказали, что работников Кишиневского вокзала вывезли туда. Решил постараться попасть в Ростов. Еле-еле удалось пробраться через Дебальцево и остаться живым. Но в Шахтах еще был порядок, милиция выловила беспризорников и специальным эшелоном отправила всех под охраной в Ташкент. Ехали больше

месяца, видели пустые немецкие села на Волге, откуда всех вывезли в Сибирь и Казахстан. К новому 1942 году добрались до Ташкента. Не знаю, чем это объяснить, но под бомбежками, в грязи, холоде и голоде ни разу не болел, а как попал в человеческие условия, то сразу заболел желудком, пневмонией и такой редкой болезнью, как пеллагра, от которой часто погибают полярники.

Понятно, что почти все описанное в данном разделе не имеет прямого отношения к моему образованию и последующей работе, что является основным, о чем я собирался здесь рассказать. Но оказалось, что в моем случае, когда жизнь проходила в совершенно различных условиях, просто необходимо не только перечислить факты, а показать, как и почему произошли описываемые события.

Недавно я перебирал свои бумаги и нашел выписку из моей истории болезни 1942 года и, ради интереса, показал ее своему лечащему врачу Елене Михайловне Райской, очень опытному и, главное, думающему врачу. Она искренне удивилась, как я остался живым в тех условиях. Еще раз большое спасибо врачам и родительским генам.

Я провел в ташкентской больнице около 9 месяцев, с конца 1942 года.

Дядя Володя

Тетя Оля с Инной

Лиля

Инна

Буржаковские

Выздоровел раньше, но руководство больницы не знало, куда меня девать без документов. Наконец, летом 1943 года восстановили мне метрику, с которой я стал полноправным гражданином СССР и мог поступить в какое-нибудь учебное заведение, но надо было где-нибудь жить и чем-то питаться. Этот вопрос удалось решить, когда определили меня в ремесленное училище связи с общежитием и довольно сносным питанием. Помню, как-то раз возле кухни вывалили целый самосвал песчаных черепаш, и мы несколько дней ели черепаховый суп, как у «Максима» в Париже, правда, никто у бедных черепаш в Ташкенте когтей на лапах не снимал. Определили меня на отделение проводной радиосвязи, решив тем самым мою дальнейшую

профессиональную судьбу. В группе я был одним из самых маленьких, но и одним из самых «образованных». Пропущенный «на воле» и в больнице год не сильно сказался на моих знаниях по сравнению с профессиональными беспризорниками, многие из которых никогда не переступали порога настоящей школы. Из педагогов я запомнил только преподавателя радиотехники Пекаря, не помню его имени, читавшего очень интересно и понятно совершенно новый для меня и большинства слушателей курс. Потом я узнал, что он доцент Одесского института связи, эвакуированного в Ташкент. Радиотехника стала на всю жизнь моим любимым предметом, и когда судьбе было угодно, я стал читать радиотехнику в Кишиневском университете, причем разработал этот курс и на румынском языке, преодолев значительные трудности из-за отсутствия в Кишиневе соответствующей литературы.

Весной 1944 года я успешно окончил ремесленное училище, получил квалификацию механика радиофикации и стал вопрос с работой, обеспечивающей жильем. На этот раз помогли успехи Красной Армии, освободившей значительную часть Украины и северные районы Молдавии. Для восстановления народного хозяйства этих территорий требовались работники. Мне предложили поехать в Черновцы. Я страшно обрадовался, это уже было близко к дому. Ехал, конечно, поездом, было много пересадок, Волгу опять переезжали в Саратове, подробности не помню. В Черновцах пошел в Управление радиофикации, принял меня сам директор по фамилии Кукк, очень обрадовался новому работнику и очень огорчился, когда я попросил у него общежитие. Предложил пустую трехкомнат-

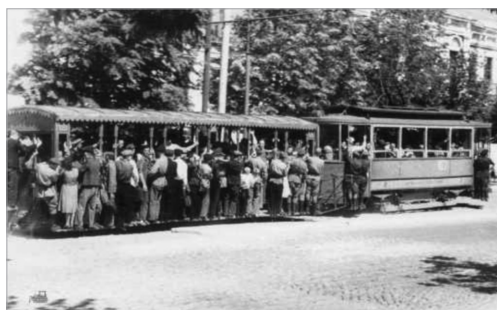
ную квартиру, но я отказался. Вопрос решился, когда уборщица согласилась взять меня на квартиру. В августе была проведена Яско-Кишиневская операция, 23 августа немцы покинули Кишинев. Я сразу заявил, что хочу домой, мне сказали, что я обязан отработать 3 года. Начал писать домой, почта работала плохо. Наконец получил письмо, в котором меня приглашали домой, но одновременно сообщали, что мамы нет в Кишиневе. Мне удалось все-таки уволиться, и в конце октября я приехал в Кишинев на улицу Александру чел Бун, 157. Там меня встретила Анна Николаевна Милько, ранее мне незнакомая. Она из Кишинева не уезжала, и мама ей оставила дом при условии, что, если я вернусь, она меня поселит в нем и окажет необходимую помощь. А.Н. Милько сдержала данное маме обещание, поселила меня у себя, вернее, в моем маленьком доме из двух комнат в глубине сада. Одну комнату забрали «под уплотнение», вторую А.Н. Милько с помощью оставшейся мебели поделила со мной. Так мы прожили около пяти лет, и в зависимости от решений суда мы менялись ролями, то я был хозяином и сдавал полкомнаты в наем, то наоборот. Конечно, все это было фиктивно, никто никому не платил, но такое двойственное положение стоило нервов, и я был счастлив вдвойне, когда в 1950 году женился. Попал не в лучшие жилищные условия, но все было понятно и законно, хотя в справедливости этих законов можно было сомневаться, а в их «телефонном» толковании никаких сомнений нет. Чтобы не возвращаться к этой теме, только скажу, что основной дом, выходящий на улицу, был частично поврежден землетрясениями 1940 года, бомбежки 1941 и 1944 гг. добавили разрушений, но там поселились посторонние люди, которым очень нравились

Гимназия «Богдан Хаджэу», в 1940–1941 годах – средняя школа № 13

фрукты с наших деревьев. Я там уже не жил, когда землю продали Российскому Посольству, и даже рад, что не видел, как уничтожаются дорогие мне места, где жили любимые мною люди.

После возвращения домой и минимального устройства своего быта надо было срочно решить две задачи: разыскать маму и установить с ней любую возможную связь и продолжить учение. Решение второго вопроса оказалось не очень сложным. Так, в последние 5 лет любой мой вид учения проводился на русском языке, поэтому в первую очередь я пошел в русскую школу № 3, которая считалась в то время лучшей, но получил от ворот поворот, от меня потребовали документ о предшествующем образовании. Удостоверение об окончании с отличием ремесленного училища связи не понравилось, и я ушел ни с чем. Тут я узнал, что в молдавские школы принимают без документов. В двух кварталах от моего дома, на углу Киевской и Островского, располагалась молдавская школа № 4. Там царила полная демократия, не требовали никаких документов, только спросили, в какой класс я хочу поступить. Я окончил в Кишиневе до войны 6 классов, но

1940–1941 учебный год: 6-й класс
Кишиневской русской школы № 13.
Стоят: Хамудис, Витиевский, Клейман,
Сурис, Радиченко, Берман, Цанго, Моисеев,
Штернберг, Янович, Мейнехдун, Данилов,
Левит, Шройт, Фих. Сидят: Андельман,
Фрунзетти, Полонская, Пересеченский,
Сибирский. Первый ряд: Дренштейн,
Гершензон, Будман, Щербаков, Герович,
Турок, Симашкевич, Бережан,
лежит И. Петров

два года не учился, надо было догонять. Кому важен был аттестат зрелости, а не знания, шли сразу в 10-й класс. Камнем преткновения была математика, но умельцы умудрялись получить документ о среднем образовании, не зная даже, что существуют отрицательные числа и другие подобные математические премудрости. Я же хотел в будущем заниматься радиотехникой, где без математики нельзя было ни учиться, ни работать, поэтому пошел в 8-й класс, умолчав, что не учился в 7-м, но надеялся самостоятельно одолеть программу за 7-й класс. Осенью и зимой наш класс

1940 г. Коллектив ЖД поликлиники.
Во втором ряду, вторая слева, мама
подруга Мария Юльевна Фрунзетти

пополнялся новыми соучениками, прибывшими в Кишинев из разных мест и имеющими разное образование и различные знания. Когда теперь говорят об отсутствии в Молдове педагогических кадров, я вспоминаю 1944 год. Особенно когда речь идет о молдавских школах.

Все это время параллельно с поиском школы не прекращались попытки найти знакомого надежного человека, который сообщил бы маме весть о моем возвращении домой. Оказалось, что сделать это не так-то просто. Весной 1944 года, при приближении фронта к Кишиневу, использовали любые возможности для переезда в Румынию, кроме того, и румынские власти переводили туда в организованном порядке учебные заведения и учреждения. Почему-то преимущество размещения бессарабцев было отдано Крайове. Там же разместился офис конторы «Инкоп», где работала мама. Прошло много времени, пока я об этом узнал, а к тому времени она уже вышла на пенсию и переехала поближе к Бухаресту, куда переехали тетя Оля с дядей Володи и бабушкой. В Бухарест маму не пустили, и она поселилась в селе Салкуца в пригороде Бухареста, таская за собой все, что вывезла из дома, вплоть до пиани-

но. Не могу, к сожалению, восстановить всю цепочку событий, которые происходили в неразберихе военного и послевоенного времени в двух странах, вначале воевавших друг с другом, а потом сотрудничавших на правах сюзерена и вассала, причем вассал очень стремился угодить сюзерену и бежал впереди паровоза, угадывая пожелания последнего. Румыны старались в трудное время избавиться от лишних ртов, а СССР не хотел принимать обратно всех гуртом, боясь пропустить «нежелательные элементы». В ходе моих поисков наши знакомые и друзья не могли помочь, вспомнив, видимо, что происходило в 1940–1941 гг., и боясь, что после войны репрессии могут быть более строгими. Но не сомневаюсь, что отдельными звеньями вышеуказанной цепочки могли быть Тадеуш Малиновский, Сергей Радауцан, их родственники и знакомые. Кстати, когда я уже работал в Академии, Сергей Иванович от этого не отказывался.

После начала официальной переписки прошло еще 5 лет, в течение которых рассматривалось мамино заявление в Посольстве СССР в Бухаресте о возвращении в Кишинев. Следует сказать, ради справедливости, что работники посольства в Бухаресте после получения разрешения на возвращение домой отнесли к маме очень благожелательно и организовали репатриацию со всем огромным багажом полностью за счет СССР, и мама совершила первое в своей жизни морское путешествие из Констанцы в Одессу, где я ее встретил в октябре 1955 года после почти 15-летней разлуки. В качестве компенсации судьбе было угодно позволить маме прожить вместе с нашей семьей еще 35 лет, побывать на свадьбах внуков и увидеть всех четырех правнуков.

АТТЕСТАТ
№ 55355
Выдан в: Кишинев
рождения: 1940 года в том, что
адрес: Республика Молдавия
в. с. Малиновский (область, край, республика)
в. с. Иванов 194 г. с. с.д.
пробу (испытания) на Математика
Физико-математический 1 разряда.
Директор Училища Иванов
Выдан: 1944 г.
Город Кишинев
Исправительный №

За время пребывания в Репетиторском Училище № 1 пр. Кишинев
Михаил Васильевич
получил — на экзаменах следующие предметы и получил — по пяти следующим оценкам:

Наименование предмета	Оценки
Специальная математика	5
Общая математика	5
Материаловедение	5
Черчение и технический рисунок	5
Физика	5
Математика	5
История, география	5
Математическая логика	5
Вспомогательная математика	5
Военно-физкультурная подготовка	5

№ 43023

Вернемся теперь к школьным делам. Как я уже писал выше, в ноябре 1944 года я был принят в 8-й класс Кишиневской молдавской школы № 4 и приступил к занятиям. Шла еще война, ощущалась острая нехватка высококвалифицированных преподавателей, способных успешно работать с разношерстным ученическим коллективом. Я был очень заинтересован в хорошем учителе математики, чтобы с его помощью освоить пропущенную программу 7-го класса, поэтому с нетерпением ожидал первого урока математики и знакомства с учителем. В класс вошел пожилой мужчина солидной комплекции. Не снимая пальто, сел за стол и начал обычную переключку. Некоторым ученикам задал несколько вопросов об их предыдущих школах, потом достал из кармана бутерброд, съел его, закрыл глаза и заснул. Мы сидели тихо, чтобы ему не мешать отдыхать. Он проснулся со звоном, объявил задание на дом и удалился. Такой метод преподавания продолжался около недели, во время его сиесты выходили из класса, играли во дворе в футбол. Но скоро об этом узнала дирекция, и учитель Мураневич (не по мне его имени) исчез. Но, как и природа, общество стремится к равновесию.

Прислали нового учителя, Михаила Иосифовича Резника, которого с

М.И. Резник

благодарностью буду помнить всю жизнь. До войны он окончил какой-то румынский университет, прекрасно владел языком, немного картавил и не стеснялся резких, но вполне цензурных слов по отношению к лентяям. Вместе с ним я ликвидировал свои слабые места по математике и уже в университете не отличался от своих сокурсников, окончивших элитную в то время русскую школу № 3, где математику преподавал хорошо известный в городе Василий Карпович Ветер. Кроме М.И. Резника, был еще ряд приличных учителей, которых я запомнил. Физику преподавал Николай Иванович Самсонов, бывший папин коллега по Коммерческой гимназии. Он еще мне помог, выступая в суде свидетелем, когда я пытался вернуть себе дом. Любителем подкрепиться булочкой на уроках был и родственник семьи Сибирских, Сергей Михайлович Смирнов, преподаватель русского языка и литературы, но в отличие от Мураневича на уроках не спал, и все ученики его слушали с большим интересом. Их завтрак во время уроков мы не осуждали, были голодные годы, в стране действовала карточная система, а в школьном буфете можно было иногда купить что-нибудь и без карточек. Ученикам выдавали талоны на обед, что было для меня существенным подспорьем в моем рационе. Школа № 4 размещалась в хорошем здании, не пострадавшем во время боевых действий. В 1945 году, когда я перешел в 9-й класс, в Кишиневе стали искать помещение для пединститута и для этого выселили нашу школу. Подходящего здания ей не нашли, и Министерство народного об-

разования решило учить нас во вторую смену в помещении женской школы № 1, бывшей женской гимназии «Режина Мария», на углу улиц Пушкина и Искры. Голодное время продолжалось, нам еще давали талоны на обед. В буфете столовой в Театральном переулке, где мы питались, свободно продавалось вино по 30 копеек за стакан. Мы не злоупотребляли этой возможностью, да и не всегда в кармане была необходимая сумма, кроме того, боялись, что учителя обнаружат знакомый запах, но иногда сухой закон нарушали. После стакана вина было веселее на уроках и легче познакомиться с девочками, которые задержались в школе после уроков. В 9-м классе к нам пришел новый учитель химии Марк Борисович Бардин, кроме того, он стал нашим классным руководителем. После школы я с ним встретился снова в университете, он защитил докторскую диссертацию, дослужился до декана химфака.

В одном здании было две школы, два директора, г-жа Купча в женской школе № 1 и Роман Берекет в моей мужской школе № 4. Завучей не помню, зато хорошо запомнил не то физрука, не то военрука обеих школ, недавно демобилизованного симпатичного молодого человека Игоря Крецу. Он очень много времени проводил с нами, организовывал спортивные соревнования и художественную самодеятельность, изредка учил собирать и разбирать автомат Калашникова. Ходил постоянно в военном обмундировании, очевидно, не было денег на штатскую одежду. Очень рад за него, он окончил впоследствии в Москве Литературный институт имени Максима Горького, стал писателем и известным переводчиком.

Больше всего запомнились соученики. Принадлежа к одному поколению,

мы встречались и в университете, и после его окончания. Со многими дружили семьями, проводили вместе отпуска.

Когда в ноябре 1944 года я впервые пришел в свой 8-й класс, то очень удивился: за партами сидело около десяти учеников. Познакомившись с ними, я узнал, что это были жители пригородов Кишинева, не уехавшие в Румынию весной этого года во время массовой эвакуации при приближении боевых действий к городу, – Букшан, Бостаника из Дурлешт, Тертяк со Скулянской рогатки, других не могу вспомнить. Постепенно число моих одноклассников возрастало. Когда осенью 1944 года советские войска заняли Румынию, не все уехавшие спешили возвращаться. В соседней стране начался, не без помощи новых румынских властей, массовый отлов бессарабцев, их так называемое фильтрование, и лица, не уличенные, по мнению фильтровальных комиссий в военных преступлениях, могли и даже были обязаны вернуться домой, где решалась их судьба. В феврале-марте 1945 года появились в классе Виктор Касьян, Боря Чеботарев, Валентин Витиу, Валентин Катанкин и ряд других моих соучеников. Из молдавской диаспоры в Кировоградской области Украины, родины И.И. Бодюла и других высокопоставленных в МССР лиц, приехал учиться в Кишинев мой будущий близкий друг Ваня Гервасьев, по кличке Йо-ханн. Очень меня обрадовало появление в классе моего соученика 1941 года Сильвиу Бережана.

Подготовка у новых, да и у «старых» учеников была разной, скорее всего плохой, и это было катастрофой для желающих продолжить свое обучение в технических вузах.

И тут надо еще раз вспомнить и поставить памятник Михаилу Иосифо-

1946 г. 9-й класс школы № 4. Первый ряд: В. Витиу, Тертяк, Купча, Касьян, Якимов. Второй ряд: Попа, Истрати, Симашкевич, Гервасьев, военрук И. Крецу, Катанкин, Спинеи, Чеботарев, Симинел, Боянжиу

Спортивный клуб школы № 4. Первый ряд: Мадан, Бостаника, Стрелецкий, Гервасьев. Второй ряд: Симашкевич, Витиу, Солохин, Попа, Тертяк

вичу Резнику, сумевшему решить эту сложную задачу. Кроме нашего класса, среди его учеников математик, академик Константин Сибирский, биолог, академик Андрей Урсу, медик, академик Георгий Палади, известный многим врач Николай Чиреш, всех не перечислишь. Но о трех своих друзьях-одноклассниках хочу рассказать особо. Один из них, Сильвиу Бережан, учился со мной вместе еще в 1940–1941 гг. в 6-м классе Кишиневской русской школы № 13. Когда началась война, наши пути разошлись. Я попал в Ташкент и учился

Алик Попа

в Ремесленном училище связи. Сильвиу с родителями остался в Кишиневе, учился в румынской гимназии и вместе с ней в 1944 году уехал в Румынию, а в начале 1945 года вернулся со всеми в Кишинев, и мы встретились снова, но уже в классе 4-й молдавской школы. Мы оба любили математику, Михаил Иосифович нас хорошо подготовил, и мы оба получили золотые медали и снова оказались вместе на физико-математическом факультете КГУ. Я успешно окончил университет и стал физиком, был избран академиком. Сильвиу тоже стал академиком, но в отличие от меня – филологом-лингвистом. Ему не понравилось преподавание на физико-математическом факультете, после первого семестра перевелся на филологический факультет, легко сдал разницу в экзаменах и стал одним из ведущих лингвистов Молдовы. Он часто мне говорил, что математика ему много помогла в его научной работе. Другим моим соучеником, с которым было интересно поговорить, был Валерий Купча. У него был врожденный дефект руки, так что спортом он не занимался, но принимал активное участие в самодеятельности, тем более что в этом же здании, на углу Пушкина и Искры, в помещении бывшей румынской женской гимназии «Режина Мария», вместе с нашей мужской школой № 4 размещалась и женская школа № 1 (в те годы обучение девочек и мальчиков было раздельным, как в Румынии). Директором женской школы была мама Валерия Купчи, а учились там сестра Валерия, Ляля, хотя настоящее имя было Аргентина, сестра Вали и Жени Витиу –

Аня и сестра Бори Чеботарева – Женя. Такие родственные связи в условиях раздельного обучения помогали членам нашей школьной семьи встречаться и вне школы, проводить время достаточно весело, молодость брала свое, несмотря на голодное время. Кратко расскажу о соучениках, с которыми приходилось нередко встречаться после окончания школы. Валерий Купча окончил Московский театральный институт, стал ведущим молдавским режиссером. Боря Чеботарев поступил со мной на физмат, перевелся на геологический, всю жизнь проработал в Казахстане, Валя Витиу стал почвоведом. С Ваней Гервасьевым (Йоганном), Витей Касьяном мы несколько лет были неразлучны на баскетбольной площадке. Йоганн стал преподавателем Ремесленного училища связи. В университете, о чем подробнее расскажу позже, к нашей компании присоединился Изя Зубрик. Окончив университет, он работал учителем физики в Унгенах, потом уехал в Германию. Он, правда, был не одноклассником, а сокурсником, но его нельзя не вспомнить при упоминании о баскетболе.

Но тут я хочу более подробно рассказать о тяжелой судьбе моего соученика и хорошего друга, и не только о нем, а о всей его семье. В этом рассказе мы встретимся с многими знакомыми лицами. Это «отступление от тематики параграфа» появилось здесь потому, что мой школьный друг Алексей Васильевич (Алик) Попа, его жена Вероника Андреевна Гордиенко, его мама Клавдия Афанасьевна, отец Василий Петрович, тетя Мария Петровна, сестра Элеонора, вышедшая замуж за Всеволода Москаленко, другими словами, вся его семья в разное время и при разных обстоятельствах были близкими друзьями членов нашей семьи.

Обо всем этом можно было бы много написать, но это уже история других семей, которая меня не касается непосредственно, и я недостаточно посвящен в тонкости их внутрисемейных отношений, имевших, к несчастью, чаще всего печальный исход. Постараюсь быть кратким и ограничиться информацией без комментариев. Василий Петрович был одним из основателей знаменитого теперь винодельческого хозяйства в Пуркарах. Выйдя на пенсию, он с семьей переехал в Кишинев и вместе с Клавдией Афанасьевной оказался нашим соседом на ул. Гоголя, 3. Сестра Василия Петровича, Мария Петровна, работала учительницей в селе Бравича, там же жили и другие их родственники. Сын Марии Петровны, Эмиль Гаврилица, защитил диплом на нашей кафедре, потом кандидатскую диссертацию, дослужился до должности замминистра народного образования. Забегая вперед, скажу, что летом 1956 года, перед рождением Олечки, мы всей семьей отдыхали у Марии Петровны в Бравичах. Лора, старшая сестра Алика, работала в Институте химии, была первой женой Всеволода Москаленко, родила двух дочерей, Таню и Рену (Веронику). Таня училась на физмате КГУ вместе с Андреем, вышла замуж за Володю Пальчика, с которым дружила со школьных лет, после окончания КГУ они уехали в Дубну. Мы к ним заезжали в 1973 году, когда совершали автопробег по Центральной России, к тому времени Таня уже развелась с Пальчиком. Рена окончила Кишиневский политех, немного там поработала, вышла замуж за моряка и уехала в Горький. Лора, после развода с В. Москаленко, переехала к Тане в Дубну.

Этим заканчиваю краткое изложение жизни ближайших членов семьи моего друга Алика Попа, откуда вид-

1975 г. Таня и Рена Москаленко

но, что мы хорошо знали его семью и, как у всех обычных семей, были у них свои радости и печали. Мы были, если не всегда свидетелями, то обязательно находились в курсе всех этих событий.

Перехожу теперь к описанию основных событий жизни моего соученика и друга Алика Попы. Как мы познакомились с ним в 1945 году, я уже писал выше. Алик был кумиром девочек, занимался гимнастикой и имел фигуру Аполлона. Учился ни шатко ни валко, но поступил в мединститут и полюбил анатомию, посвятил ей всю жизнь, до выхода на пенсию. Защитил диссертацию и сумел в 1956 году купить «Волгу», что было чудом для того времени. Не меньшим чудом была ранняя женитьба на студентке мединститута Веронике (Рене) Гордиенко, которая родила ему три сына, Олега, Игоря и Юрия, и стала одним из лучших врачей-педиатров города. Когда Андрей и Оля болели, Рена была главным консультантом, и в большинстве случаев ее советы были решающими. После работы в Алжире я тоже купил «Волгу», и Алик учил меня всяким автомобильным премудростям, мы выезжали вместе за город и на море. Первую поездку в Карпаты я тоже совершил с Аликом. Все могло быть хорошо, но в анатомке было много спирта,

Танцевальный кружок школ № 1 и № 4. В центре руководитель кружка Игорь Крецу. Первый ряд: Тамара Козмулич, Ляля Купча, Мара (будущая жена писателя Алексея Марината), Ванда Портко (будущая жена поэта Петру Заднепрову). Второй ряд: Г. Палади, И. Солохин, А. Попа. Третий ряд: П. Тертяк, Рая, В. Купча, И. Делазари, А. Витиу, В. Витиу, А. Симашкевич, Бостаника.

а бедные покойники не могли сказать, сколько им досталось спирта из положенного по норме. Благодаря спирту у Алика появились друзья во всех карпатских селах и приморских рыболовных бригадах, а сам алкогольный благодетель стал спиваться. Разладилась семейная жизнь, к тому же Рене сделали неудачную операцию по замене тазобедренного сустава, и она стала инвалидом. Жили они в одной квартире, но не разговаривали друг с другом. С детьми тоже не все было хорошо. Старший, Олег, с грехом пополам окончил политех, женился, развелся. Жена с сыном уехала в Израиль, вторая жена умерла совсем молодой, а Олег стал опровергать Эйнштейна и рано умер. Игорь стал фармацевтом и уехал в Чехию, его сын заболел шизофренией, в Чехии не удалось ему помочь. Младший, Юра, не стал учиться, женился и уехал в Израиль, где устроился таксистом, больше о

нем ничего не знаю. Родители остались одни. Сначала скончался Алик, а Рена закончила свои дни в доме престарелых. Так печально закончила свое существование семья, у которой вначале было все хорошо и имелись все условия для счастливой жизни.

Но вернемся к школьным годам. Как и спортивные соревнования, художественную самодеятельность в обеих школах организовывал военрук Игорь Крецу. К концу 9-го класса мы были знакомы со всеми девочками параллельных классов первой школы. Сейчас, когда пишу эти строки и вспоминаю прошлое, мне пришло в голову интересное наблюдение. Между учениками и ученицами двух школ, несмотря на возраст и тесное общение в течение двух лет, была дружба в полном смысле этого слова и не возникло ни одного серьезного романа. Причину этого пусть объясняют психологи, может быть, это

последствия войны и тяжелых условий нестабильной жизни, хотя в военной художественной литературе много противоположных примеров.

Еще несколько слов на другую тему. Во время учебы в школе мне все время приходилось думать о добывании дополнительных финансовых средств. Попробовал на вокзале сгружать вагоны, но там была своя братия, которой конкуренты не требовались. Попробовал во время каникул заняться торговлей – возить в Москву яблоки на продажу. Познакомился с одной командой, занимавшейся этим бизнесом, который тогда назывался спекуляцией и карался законом. Приходилось откупаться от проводников и работников московских рынков. Пришлось уехать из Москвы в Нарофоминск. На обратном пути дрожали и не спали, чтобы сохранить мизерную выручку от бандитов, которые грабили таких «бизнесменов» на обратном пути из Москвы. Одной поездки, которая закончилась благополучно, мне хватило. Через некоторое время удалось наладить передачу небольших посылок от мамы из Румынии, стало легче.

Все эти годы я был старостой класса, кроме официального журнала, у меня был и самодельный журнал, куда я заносил пропуски занятий и оценки. Такой журнал за 10-й класс у меня сохранился. У меня отметки были хорошие, что позволяло претендовать на золотую медаль и на поступление в вуз без экзаменов. Такие же оценки были у Сильвиу, немного хуже у Виктора Касьяна. Мы часто говорили о дальнейшей учебе, причем мнения менялись довольно быстро. Ближе к весне у нас образовалась группа из нескольких учеников, желающих продолжить свое образование в Одессе, в разных институтах, даже в Высшем мореходном училище,

С.Б. Чеботаревым на выпускном вечере

но с опозданием узнали, что заранее надо было проходить медицинскую и мандатную комиссии, и тогда остановились на радиотехническом факультете Одесского института связи, оставалось только окончить школу и мне для облегчения поступления получить золотую медаль. Перед этим я думал об архитектурном институте, готовясь к поступлению, рисовал развалины, в основном остатки королевского дворца напротив пожарной команды на Садовой, где сейчас университет, всяких ангелочков с памятников на Армянском кладбище. Но компаньонов у меня не оказалось, к тому же в Кишиневе не было архитектурного института, а уезжать одному в другой город не хотелось. Вернулся к идее об Одесском институте

Злополучная медаль

связи. В классе было два претендента на золотую медаль: я и Сильвиу Бережан. У него все прошло гладко, а я получил 4 по молдавскому сочинению на выпускных экзаменах и остался без медали. Расстроился ужасно, и на выпускном вечере впервые в жизни с горя напился до потери сознания. Но школа подала апелляцию, комиссия рассмотрела снова мое сочинение и пришла к заключению, что запятая, из-за которой мне снизили оценку, стоит на положенном месте.

Окончательное решение приняли горono и министерство, во главе которых соответственно были прежний директор нашей школы Роман Берекет и Артем Маркович Лазарев. Через ме-

сяц я получил свою медаль. К моему большому удивлению, Артем Маркович Лазарев, уже будучи ректором КГУ, напомнил мне этот эпизод в 1969 г., когда решался вопрос о моем назначении зав. кафедрой электрофизики.

Необходимо отметить, что выпускниками 4-й школы являются академики А.М. Андриеш, А.Ф. Урсу, Г.А. Палади, С.Г. Бережан, артисты В. Купча, Г. Симинел, Д. Маржине и многие другие известные в республике люди. К сожалению, школа № 4 была расформирована, потом восстановлена и в настоящее время является русской школой № 4, которую окончили такие известные личности, как Ольга и Андрей Симашкевичи.